

Билитись родилась въ началѣ шестого вѣка до нашей эры въ горной деревушкѣ, расположенной на берегахъ Меласа, въ восточной части Памфиліи. Эта страна сурова и печальна, покрыта глухими дремучими лѣсами и осынена каменными громадами Тавра; звенящіе ручьи вытекаютъ тамъ изъ скалъ; большія соляныя озера блестятъ на горныхъ вершинахъ; долины полны молчанія.

Билитись была дочерью грека и финикіянки. Кажется, она не знала отца, ибо имя его совсѣмъ не встрѣчается въ воспоминаніяхъ ея дѣтства. Весьма возможно, что онъ умеръ до ея появленія на свѣтъ. Иначе трудно понять, какъ она могла носить финикійское мя, которое ей могла дать одна только мать.

Въ этой почти пустынной странѣ жила она мирною жизнью вмѣстѣ съ матерью и сестрами.

Неподалеку жили другія молодыя дѣвушки, ея подруги. На заросшихъ лѣсомъ отрогахъ Тавра пасли свои стада пастухи.

Утромъ, при пѣниі пѣтуха, Билитисъ просыпалась, шла въ хлѣвъ, давала напиться скоту и принималась тамъ за доеніе. Въ дождливое время она оставалась въ гинекееѣ за прялкой. Если погода была хороша, она бѣжала въ поля и развлекалась тамъ съ подругами тысячею игръ, о которыхъ она рассказываетъ въ пѣсняхъ.

Билитисъ питала пылкое благочестивое чувство къ наядамъ. Она постоянно приносила жертвы около имъ посвященныхъ источниковъ. Часто даже она говорила съ нимфами, но, кажется, ни разу ихъ не видала; такъ она передаетъ съ благоговѣніемъ воспоминанія старца, который засталъ ихъ однажды врасплохъ.

Конецъ ея пастушеской жизни былъ опечаленъ любовью, о которой намъ мало извѣстно, хотя поэтесса и много о ней говоритъ. Билитисъ перестаетъ воспѣвать эту любовь съ тѣхъ поръ, какъ она принесла ей несчастье.

Сдѣлавшись матерью ребенка, котораго она покинула, Билитисъ, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, оставила Памфилію и никогда не возвращалась на родину.

Затѣмъ мы застаемъ поэтессу на островѣ Митиленахъ, куда она приплыла моремъ вдоль прекрасныхъ береговъ Малой Азіи.

Въ это время ей едва исполнилось 16 лѣтъ. М. Нейм довольно правдоподобно обозначилъ нѣкоторыя даты жизни ея по стихотворенію, гдѣ встрѣчается упоминаніе о смерти Питтака.

Лезбось былъ тогда центромъ міровой жизни. Въ полупути между прекрасной Аттикой и пышною Лидіей, онъ имѣлъ столицею городъ болѣе просвѣщенный, чѣмъ Аѣины и болѣе развращенный, чѣмъ Сарды. Митилены были построены на мысу въ виду азіатскихъ береговъ. Море со всѣхъ сторонъ окружало городъ. Съ кровли храмовъ можно было различать на горизонтѣ бѣлую полосу Атарнеи, служившей портомъ Пергаму.

Узкія и постоянно наполненныя толпою улицы пестрѣли цвѣтными одеждами. Пурпуровыя и гіацинтовыя туники, цикласы изъ прозрачнаго шелка, шлейфы и подолы, волочащіяся по пыли изъ-подъ желтыхъ сапогъ. Женщины носили въ ушахъ золотыя крупныя кольца съ нанизанными на нихъ неотдѣланными жемчужинами, на рукахъ—грубой чеканки массивныя серебряныя браслеты. Даже мужчины имѣли лоснящіяся и надушенные рѣдкостными маслами волосы. На голыхъ лодыжкахъ гречанокъ звенѣли погремушки перисцелидъ—широкихъ змѣй изъ свѣтлаго металла, обвившихъ ногу повыше щиколотки. Ноги азіатскихъ женщинъ были одѣты расписною мягкою обувью. Кучками останавливались прохожіе передъ лавками, сплошь занимающими фасады домовъ. Тамъ продавалось все то,

что было выставлено наружу. Темноцвѣтныя ткани ковровъ, вышитыя серебромъ чепраки, бездѣлушки изъ благовоннаго дерева и изъ слоновой кости. Жизнь въ Митиленахъ не прекращалась вмѣстѣ со днемъ. Не было столь поздняго часа, когда въ открытыя двери не слышалось бы игры на музыкальныхъ инструментахъ, женскаго крика и топота танцующихъ ногъ. Даже Питтакъ, когда попытался внести немного порядка въ этотъ постоянный разгулъ и издалъ законъ, запрещающій приглашать на ночные пиры слишкомъ юныхъ флейтщицъ, потерпѣлъ неудачу. Этотъ законъ, какъ и всѣ законы, пытающіеся измѣнить природный ходъ нравовъ, повлекъ за собой лишь тайну, но не исполненіе.

Въ обществѣ, гдѣ мужья ночью бываютъ такъ заняты виномъ и танцовщицами, женщины самую судьбой предназначены сближаться другъ съ другомъ и находить у самихъ себя утѣшеніе въ своей отчужденности. Отсюда возникаетъ ихъ склонность къ той нѣжной влюбленности, которой древность дала ихъ имя и которая заключала въ себѣ гораздо больше естественнаго влеченія, чѣмъ порочной изобрѣтательности, какъ думали объ этомъ мужчины.

Сафо тогда была еще прекрасна. Билитисъ познакомилась съ нею и упоминаетъ о поэтессѣ подъ именемъ Псаффы, имя которое та носила на Лезбосѣ. Безъ сомнѣнія, эта замѣчательная женщина и научила юную памфилянку искусству слагать ритмичныя фразы и сохранить для потомковъ воспоми-

наніе о дорогихъ существахъ. Къ несчастью, Билитисъ даетъ намъ недостаточно подробностей объ этой личности, въ настоящее время такъ мало извѣстной, и это тѣмъ болѣе жалко, что малѣйшее слово ея о великой вдохновительницѣ было бы драгоцѣннымъ. Она вознаграждаетъ насъ нѣсколько, оставивъ намъ тридцать элегій, въ которыхъ рассказываетъ исторію своей дружбы съ молоденькой дѣвушкой одного съ нею возраста. Дѣвушка эта носила имя Мназидики и жила вмѣстѣ съ Билитисъ. Мы уже ранѣе знали имя этой подруги по стиху Сафо, которая восторгалась ея красотою, но и имя это также сомнительно, и Bergh готовъ думать, что она называлась просто Мнаисой.

Приводимыя здѣсь пѣсни доказываютъ, что мнѣніе Bergh'a должно быть оставлено. Мназидика была, повидимому, молоденькой дѣвушкой, очень нѣжной и совсѣмъ невинной, однимъ изъ тѣхъ прелестныхъ существъ, которыя предназначены для того, чтобы позволять себя обожать и тѣмъ болѣе любимыхъ, чѣмъ менѣе усилій дѣлаютъ онѣ заслужить расточаемыя имъ ласки. Необъяснимыя привязанности прочнѣе всѣхъ остальныхъ. Читатели увидятъ, что связь была порвана по винѣ Билитисъ: чрезвычайная ревность которой не допускала ни какого выбора.

Почувствовавъ, что ничто кромѣ горестныхъ воспоминаній не удерживаетъ ея болѣе въ Митленахъ, Билитисъ предприняла второе свое пут

шествіе. Она переѣхала на Кипръ, островъ, какъ и Памфілія, вмѣстѣ и греческій и финикійскій. Ей онъ долженъ былъ часто напоминать родную страну.

Въ это время Билитись въ третій разъ сызнова начала свою жизнь и на такой ладъ, что читателю слѣдуетъ еще разъ напомнить о святости и высотѣ, на которой стояла половая любовь у древнихъ народовъ. Амоѳонтскія куртизанки не были подобно нашимъ лишенными правъ созданіями, изгнанными изъ всякаго общества; это были дѣвушки изъ лучшихъ фамилій города. Афродита сдѣлала ихъ прекрасными, и онѣ благодарили богиню, отдавая на служеніе ей свою красоту. Всѣ города, обладавшіе подобно Кипру храмомъ, полнымъ многочисленныхъ куртизанокъ, почтительно заботились объ этихъ женщинахъ.

Несравненная исторія Фрины, какъ ее передалъ намъ Атеней, даетъ кое-какое представленіе объ этомъ почтеніи. Неправдоподобно, что Гиперидъ приложилъ заботы къ тому, чтобы выставить ее нагой передъ Ареопагомъ, но вина Фрины однако была весьма велика; она совершила преступленіе равное убійству. Ораторъ разорвалъ только верхъ ея туники и обнажилъ однѣ только груди. Онъ умолялъ судей не обречь на смерть жрицу и „вдохновенную Афродитой“. Въ противоположность другимъ куртизанкамъ, которыя выходили на улицу въ прозрачномъ цикласѣ, сквозь который

были видны всѣ подробности тѣла, Фрина имѣла
обычай съ головой кутаться въ одну изъ тѣхъ
широкихъ одеждъ, грацію которыхъ намъ сохра-
нили танагрскія статуэткі. Никто, если онъ не былъ
ея любовникомъ, не видалъ ни рукъ ея, ни плечъ,
и никогда она не появлялась въ бассейнѣ публич-
ныхъ бань. Но однажды произошла необычная
вещь. Это было въ день Элевсинскихъ празднествъ.
Двадцать тысячъ человѣкъ, собравшихся со всѣхъ
концовъ Греціи, толпились на морскомъ берегу,
когда Фрина приблизилась къ волнамъ. Она сняла
свое верхнее платье, разстегнула поясъ, сняла даже
нижнюю тунику, „она распустила волосы и вошла
въ море“. И среди этой толпы былъ Пракситель,
который потомъ съ этой живой богини изваялъ
Книдскую Афродиту; Апеллесу же она показалась
его Анадіоменой... Замѣчательный народъ, которому
можно было показать нагую красоту, не вызывая
въ немъ ни смѣха, ни ложнаго стыда!

Мнѣ хотѣлось, чтобы такой же была исторія и
Билитисъ, ибо переводя эти „Пѣсни“, я былъ охва-
ченъ любовью къ подругѣ Мназидики. Безъ сом-
ненія, ея жизнь была также чудесной, и мнѣ при-
ходится только пожалѣть, что о ней нигдѣ болѣе
не говорится, а древніе авторы, въ особенности тѣ,
которые ее пережили, очень бѣдны о ней свѣ-
дѣніями. Филодемъ, который дважды ее обокралъ,
не упоминаетъ даже ея имени. Взамѣнъ интерес-
ныхъ анекдотовъ я прошу удовольствоваться под-

робностями, которыя она сама даетъ о своей жизни куртизанки. Она была куртизанкой; этого нельзя отрицать, и ея послѣднія пѣсни даже показываютъ намъ, что если она имѣла добродѣтели въ избранной ею профессіи, то у нея были также вредныя слабости. Но я хочу знать лишь ея добродѣтели. Она была набожна и трудолюбива. Она жила неизмѣнно при храмѣ, и Афродита благоволила продлить юность своей самой чистой поклонницы. Въ день, когда она перестала быть любимой, она, по собственнымъ словамъ, перестала также и писать. Хотя трудно допустить, чтобы памфилійскія пѣсни были написаны въ эпоху, когда были переживаемы. Какимъ образомъ маленькая горная пастушка сама могла научиться скандировать свои стихи съ трудными размѣрами эолійскаго лада? Болѣе вѣроятно, что состарившись, Билитись стала для самой себя пѣть воспоминанія отдаленнаго дѣтства. Мы ничего не знаемъ о послѣднихъ годахъ ея жизни. Мы не знаемъ даже, въ какомъ возрастѣ она умерла.

Гробница ея была найдена М. G. Heim'омъ на Paleo Limisso у древней дороги, недалеко отъ амаеонтскихъ развалинъ.

Въ теченіе тридцати столѣтій руины эти почти исчезли, и камни дома, въ которыхъ когда то жила Билитись, составляютъ, быть можетъ, набережную Портъ-Саида. Но гробница, по финикійскому обычаю, устроена была подъ землею и спаслась отъ грабившихъ сокровища воровъ.

М. Heim проникъ въ нее узкимъ заваленнымъ землею корридормъ; въ концѣ его оказалась замуравленная дверь, которую пришлось разрушить. Просторная низкая, вымощенная известковыми плитами, гробница имѣла четыре покрытыхъ пластинками чернаго амфиболита стѣны, гдѣ были начертаны примитивными крупными буквами всѣ ея здѣсь приводимыя пѣсни, кромѣ трехъ эпитафій, украшающихъ собой саркофагъ.

Тамъ, въ большомъ гробу изъ обожженной глины, подъ крышкой, сработанной искуснымъ ваятелемъ, изобразившимъ лицо почившей, успокоилась подруга Мназидики. Волосы были окрашены чернымъ, глаза полузакрты и продлены при помощи карандаша, какъ будто она была жива, и линіи устъ были чуть-чуть смягчены легкой улыбкой.

Никто никогда не скажетъ, что это были уста вмѣстѣ и чистыя и вновь сомкнутыя, нѣжныя и тонкія, вмѣстѣ соединенныя и какъ бы опьяненныя отъ соединенія.

Когда гробница была открыта, Билитись представила взорамъ въ томъ самомъ видѣ, какъ ее положили туда двадцать четыре вѣка назадъ благочестивыя руки. Флакончики съ благовоніями заткнуты были глиняными пробками, и одна изъ нихъ, не смотря на время, сохранила еще аромать. Полированное серебряное зеркало, куда глядѣлась Билитись и стилеть, которымъ она синила свои вѣки, найдены были на своемъ мѣстѣ. Маленькая Астар-

та, навсегда драгоцѣнная реликвія, продолжала охранять скелетъ, украшенный всѣми золотыми драгоцѣнностями, бѣлый какъ будто изъ снѣга, но до такой степени нѣжный и хрупкій, что когда на него дохнули, онъ рассыпался въ прахъ.

Пьеръ Луисъ.

Константина, Августъ 1894 г.

